

РАЗДЕЛ «РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ» /
«RELIGIOUS STUDIES»

Серия «Политология. Религиоведение»

2014. Т. 7. С. 141–147

Онлайн-доступ к журналу:

<http://isu.ru/izvestia>

ИЗВЕСТИЯ

*Иркутского
государственного
университета*

УДК 2–184

**Теологическая самоидентификация:
Святой. Начало Пути**

Т. В. Пешкова, Т. В. Быкова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск.

Аннотация. Статья посвящена исследованию феномена русской святости в философских формах метафизики с позиций современной теории опыта.

Ключевые слова: агиология, аскетико-мистическая практика, герменевтика, исихазм, святость, синергия, типос, теология.

Исследование феномена русской святости, генетически связанной с общехристианскими началами и византийским наследием, но несущей в себе индивидуальные черты, предполагает рассмотрение явления русского религиозного сознания в его диалектической связи с тем опытом, который духовная традиция считает базовым и первоисточным. Область представления человека о его связи с Богом, включающая в себя антропологический и духовный опыт, – суть нашего философского задания. Трудность выполнения задачи изучения русской святости как особой традиции духовной жизни связана с тем, что индивидуальное открывается лишь на отчетливом фоне общего. Иными словами, необходимо знание агиографии христианского мира, прежде всего православного, греческого и славянского Востока, чтобы иметь право судить об особом русском характере святости [5, с. 32].

Материалом для настоящей работы служит агиографическая житийная литература Древней Руси, более чем за 20 лет собранная Митрополитом Макарием при И. Грозном с целым штатом сотрудников – грамотеев. Древняя русская письменность представлена в огромном сборнике «Великих Четвех Миней», в котором жития святых занимают почетное место. Свое перо прославлению угодников посвящают Нестор Летописец, Епифаний Премудрый и Пахомий Логофет. В органичной связи с агиографическими трудами Древней Руси находится богословие неопаламизма и неопатристики, представленное работами Владимира Николаевича Лосского, отца Георгия Флоровского, отца Иоанна Мейендорфа, Филарета Гумилевского, Макария Булгакова, Евгения Голубинского, Георгия Федотова, Василия Осиповича Ключевского.

Программа исследования актуального опыта святости с позиций современной теории опыта в качестве начального этапа предполагает *экспозицию феномена*, эмпирический и фотографический облик явления – русского религиозного типа, его особенных и универсальных черт. В работе мы применяем *диахронический* подход, позволяющий проследить развитие *предмета* нашего исследования – *святости*.

Каждый народ имеет собственное религиозное призвание, и, конечно, всего полнее оно осуществляется его религиозными гениями. В качестве основного тезиса нашего исследования принимается *феноменологическая установка*: плоды Церкви – суть святые. Изучение непосредственного аутентичного опыта адепта, который является ядром и стержнем духовной традиции, определил выбор методологии исследования: в работе используются *герменевтический и эпистемологический методы* исследования.

Итак, о каком опыте идет речь, какой глубинный личностный слой требует выражения?

Для этого обратимся к этимологии ключевого понятия *святость* в христианстве. Мы обнаружим, что *святость* – то же, что и *освященность* [1, Ин. 10:36], *просвещенность* [1, Евр. 6:4], *пронизанность светом Истины* [1, Ин. 17:17], *пребывание в свете* [1, Кол. 1:12,13], *непричастность злу и тьме* [1, Евр. 7:26]. *Святость* – один из *атрибутов Бога* [1, Откр. 3:7], а также «*небесное звание*» [1, Евр. 3:1], целевая установка последователей христианского учения [1, Пет. 1:15,16; Еф. 1:4; Евр. 12:14].

Понятие *святость* соотносят с Богом (Истиной), Его Образом (Эйдосом), Его Духом (Принципом), Его Ангелами (Вестниками), Всем из Него исходящим, и с человеком, соответствующим Его Образу и принявшему в себя Его Дух.

Установление Церковью почитания святому в формах общественного богослужения есть *канонизация*. Соборная, а с XVII в. патриаршая власть сохранила за собой право канонизации до времени Святого синода, который с XVIII в. сделался единственной канонизационной инстанцией. Все списки, календари, указатели русских святых, как частные, так и официальные, разногласят о числе канонизованных угодников. Синодальное издание «Верный месяцеслов русских святых» 1903 г. дает общее число – 381 [5, с. 31]. Последними канонизированы четыре епископа: Димитрий Ростовский, Иннокентий Иркутский, Митрофаней Воронежский, Тихон Задонский и семья царя Николая II.

Основаниями для церковной канонизации были и остаются: 1) жизнь и подвиг святого, 2) чудеса и 3) в некоторых случаях нетление его мощей.

В объеме статьи мы пунктирно излагаем понятия идеала, искомой цели и характеристики святого: «земной ангел и небесный человек» [4, с. 57]. Это определение направляет нас в сферу религиозной области *типов*, которая имеет различные формы и уровни выражения.

Рассмотрение концепта теологической самоидентификации через аспекты и структуры религиозных *типов* обнаруживает *первичную бытийную установку, ядра или генеративного пласта* [3, с. 203]. Эта сфера аскетике в православном христианстве получила название «исихазм», от слова «исихия», что означает «покой», «уединенное безмолвие», «духовный покой».

Аскетико-мистические аспекты практики исихазма подробнее рассмотрены нами в статье «Социокультурные механизмы реализации теологической самоидентификации: организация и герменевтика опыта в исихастской традиции» [2]. В данной работе мы лишь кратко даем хронотоп, эмпирический облик духовного пути.

Традиция начинается в IV в. По оригинальной исторической диалектике, едва христианство становится господствующей религией, по известной формуле отца Георгия Флоровского, начинается великое противостояние империи и пустыни [4, с. 66] – уход в аскезу, в монашество, отшельничество. Искомым для христианского сознания в этот период является тот самый первичный опыт, который мы и пытаемся исследовать, опыт непосредственного обращения человека к инстанции, которая находится в ином горизонте бытия, опыт сакральной ситуации.

Обращаясь к сути Благовестия Христа, христианское сознание открывает и принимает жребий мученичества, считая его идентичным апостольскому. Соединение осуществляется через мученическую смерть, такую смерть, которая идентична жертвенной смерти Христа. Поскольку в смерти Христа осуществляется жизнь-через-смерть, воскресение, то разделить Его род смерти означает разделить Его род жизни или обрести соединение с Ним. С установлением в Византийской империи христианства государственной религией предпосылки для мученичества исчезают, и мученичество как *род духовного опыта завершает свое существование*.

Поиск новой формы аутентичного опыта требует отключить все виды опыта, которые не являются заведомо искомыми. Нужны другие формы опыта, и для их осознания необходимо дистанцироваться.

Другими словами, зависимость от того, что диктует социум индивиду, и то, как социум желает личность организовать, устроить, – это не то, что нужно искать. Пустыня становится антропологической лабораторией, в которой отыскивается, добывается небывалый опыт – опыт актуального соединения с иным онтологическим горизонтом. Христианскому сознанию требуется соединение с Христом, такое как у апостолов и мучеников. Между тем условия совершенно меняются: в случае опыта апостольского Христос исторически присутствует на земле, в случае мученичества присутствуют гонения на христиан.

С исчезновением гонений на христиан священная история христианского сознания обнаруживает *решение* этой метаантропологической задачи, которое оформлялось тысячу лет. Полный опытный аппарат для исполнения этого задания был завершён в XIV в. Этот диапазон – с IV по XIV в. – и составляет собой период формирования исихастской традиции. Надо подчеркнуть, что религиозное сознание читает историю в ином измерении, добавляя к событиям и фактам свои характеристики и свойства. Именно эти «сакральные условия» [4, с. 68] и составляют специфику герменевтики аскетико-мистической практики.

Создав икономию исхода из мира и собирания себя, традиция проходит стадию отъединения и сосредоточения и вырабатывает стадии поступательного процесса, восхождения к иному бытию. Как обнаруживается в опыте,

такой процесс продвижения, в котором человек последовательно преобразует себя, возможен, и при этом он носит ступенчатый характер. Выясняется, что при движении человек проходит определенные ступени, и они отчетливо отличаются одна от другой.

Кульминацией византийского исихазма XIII–XV вв. становится богословская дискуссия, касающаяся вершин мистического опыта. Дискуссия по поводу содержания высших ступеней исихастской лестницы входит в историю под именем «исихастских споров» [4, с. 70]. В «исихастских спорах» осмысливается итоговый опыт аскетического процесса, который выражается в догматическом положении. Положение принимается на Поместном соборе в 1351 г. и закрепляет свидетельство подвижников, что созерцание-соединение (соединение – высший род созерцания) достигается именно с тем Светом, который апостолы созерцали на Фаворе в событии *Преображения* и который представляет собой *несотворенную Божественную энергию* [4, с. 71].

С позиций сегодняшней науки мы видим, что механизмы, которые человек открывает в себе, носят синергетический характер.

Таким образом, *человек оказывается способным организовать себя как открытую систему и в режиме открытой системы начать синергетический процесс.*

В пунктирном изложении мы выяснили, какие духовные задачи исполняет исихастская традиция и какую антропологическую задачу решает на пути к святости.

Какие же решения были найдены? *Решение* принимает форму антропологической практики, которую осуществляет индивидуальный человек, преобразуя себя по ступеням восхождения. Особенностью данной практики является организация метода или, применяя термин Аристотеля, *органа* – *полного* метода [4, с. 72]. Это метод, охватывающий все стороны существования опытного феномена, или, в иных терминах, полный *канон* организации, проверки и истолкования определенного рода опыта. То есть опыт должен быть *истолкован* и интерпретирован, и в этом роль исихастской герменевтики. Что касается эпистемологии, то она выступает как аспект проверки: чтобы опыт *познать*, он должен быть отрефлексирован.

Традиция создает специфичный органон как систему правил, функциональную исключительно во внутреннем употреблении, т. е. вырабатывает свой внутренний язык, который пользуется различными символами, условностями, сокращениями, известными и понятными лишь тем, кто находится в рамках этого сообщества. Многие аспекты не раскрываются и не детализируются. Поэтому следует изначально признать, что наша позиция – это позиция «извне». А как можно «извне» описать *внутренний* опыт? Если занять позицию отстраненного наблюдателя, как говорит эпистемология – *субъектная парадигма*, по внешнему наблюдению мы сможем заключить, что с человеком происходит род психических отклонений, и квалифицировать их как бессмысленную деятельность. Таким образом, аскетическая практика, изучаемая с внешних позиций, легко причисляется к аномалиям и психопатологиям.

Для научного описания мы принимаем третью – не совсем изнутри и не совсем извне – позицию, предложенную М. М. Бахтиным, – позицию *участности* [4, с. 75]. Она предполагает, что исследователь учитывает установки и мир познаваемого и, в той или иной мере, их разделяет. Исследователь сам меняется от познаваемого содержания. При этом целью остается достижение научной дескрипции.

Итак: начало Пути. На первом этапе, блоке отрыва, человеку нужно оторваться от мирской реальности, для того чтобы с ним начался процесс восхождения. В этот блок входят религиозные феномены, присущие и упоминаемые во всех духовных традициях.

Вхождение в традицию начинается с духовного *обращения* [4, с. 76]. В просторечье – *обратиться в веру*. Что это за явление, которое происходит с человеком при обращении? Для понимания можно вспомнить мифологему Платона о пещере: ситуация человека здесь описывается как положение пленника, заключенного в пещере; перед его глазами – стена пещеры, а позади, за спиной – горит огонь. То есть в обычной своей ситуации человек может видеть только отблески и тени, отражения на стене. Если же он желает увидеть настоящий свет, ему нужно обернуться, оборотиться, *обратиться* на источник света. Таков первый смысл метафоры пещеры. Вслед за обращением разворачивается собственно сам духовный процесс. Религиозное сознание рано обнаружило, что возможны разные парадигмы, разные типы этого процесса. Например, античное сознание *принимало возвращение человека к самому себе*, на свою Итаку, измененным, зрелым, метафора странствия в «Одиссее» – это метафора обретения какого-то опыта. Но есть и примеры невозврата. Возможно, что в итоге своего странствия человек, актуально став другим, уже не возвращается туда, где он свое странствие начал. Христианство считает, что духовный путь не приводит человека в исходную точку, искомым является, наоборот, радикальное превращение. Православная аскетика вкупе с догматикой установили, что *финальное* состояние, к которому направляется духовный путь человека, передается аскетическим и богословским понятием *обожения*. Понятно, что такое состояние отлично от исходного.

Семантика русского слова «обращение» очень богата, так вот в случае христианского духовного процесса молитва – это активность зова-отклика, и первое, исходное *обращение* исходит не от нас. В духовную ситуацию человека входит всегда уже наличествующее обращение к нему: *обращенный к нему зов иного бытия*. Человек же может расслышать или не расслышать, откликнуться или не откликнуться. Если же откликнулся, значит, он *обратился* – обернулся на зов Бога [1, Инн. 15], дал свой отклик на этот зов.

В случае христианской практики после *обращения* вся работа еще впереди, требуется *онтологическая* динамика, реальное *бытийное* движение. Период синайского исихазма и был периодом создания ответа на вопрос: как обрести способность движения? Такой двигатель создается человеком в самом себе, он состоит из двух элементов-активностей: «внимания» и «молитвы» [4, с. 77]. Активность – *внимание* (трезвение, хранение ума) выполняет функцию *охраны молитвы*. По опыту подвижников устанавливается, что че-

ловек как сложная многоуровневая иерархическая система в духовном устремлении испытывает влияние многих факторов, мешающих напряженному Богоустремлению. Речь идет о состоянии напряженной, собранной бдительности. Это особый род антропологических состояний, которые преодолевают оппозицию активности и пассивности. В опыте устанавливается, что сознание, которое охраняет процесс, должно быть не активно и не пассивно, оно должно быть *бдительно*. Тогда развиваемый без помех процесс приводит к необычайной аккумуляции энергии, формостроительной энергии для движения к следующим ступеням, вплоть до порога онтологического трансцендирования, которое совершается уже не энергиями человека, но энергиями Инобытия. Человек замечает, что он существенно меняется, и это признак, что *антропологический двигатель* создан, идущий вступает в *центральный* этап практики.

Подводя итоги, следует заметить, что святость как категория духовной реальности, в которой человек строит свою личность и свою идентичность, относится к горизонту *Инобытия*, имеющему энергийную, а не субстанциональную природу. Попытка анализа теологической самоидентификации человека через структуры *типов* религиозного сознания приводит к выводу, что этот феномен имеет универсальные черты: основным рабочим объектом сознания служит полная совокупность энергий человека, его энергийный образ.

Далее следует отметить, что универсален и тип явления святости – процесс восхождения затрагивает все уровни организации человеческого существа, иерархически структурируется и принадлежит к числу ключевых характеристик самосознания.

Программа исследования аутентичного опыта религиозного сознания применяет *диахронический* подход, позволяющий нам проследить развитие предмета исследования.

В работе рассмотрено понятие *святость* как *цель*, как движение к высшим ступеням мистического опыта и создание новых форм сознания в аскетическом процессе. Наш анализ алгоритма вхождения адепта в центральный этап практики, характеризующийся преодолением оппозиции активности и пассивности сознания, обнаруживает, что этот блок движителя, следующий за блоком отрыва, дает возможность аккумулировать энергии для дальнейшего следования к цели.

Предлагаемое исследование теологической самоидентификации через структуры религиозных *типов* сознания человека в очень немногих пунктах может опереться на результаты готовых работ и по этой причине является, на наш взгляд, долгосрочной программой будущих исследований, позволяющей создать философский концепт человека третьего тысячелетия с учетом динамики его религиозного измерения.

Список литературы

1. Библия. Книга Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М. : Издат. совет Рус. православ. церкви, 2008. – 1376 с.
2. Быкова Т. В. Социокультурные механизмы реализации теологической самоидентификации: организация и герменевтика опыта в исихастской традиции /

Т. В. Быкова, Т. В. Пешкова // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2 (11), ч. 1. – С. 280–287.

3. Пешкова Т. В. Теологическая самоидентификация: к постановке проблемы / Т. В. Пешкова, Т. В. Быкова // Изв. ИГУ. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1 (10). – С. 203–208.

4. Хоружий С. С. Синергичная антропология. Томские лекции / С. С. Хоружий // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. – 2008. – № 1(2).

5. Федотов Г. П. Святые Древней Руси / Г. П. Федотов ; предисл. Д. С. Лихачева и А. В. Меня ; коммент. С. С. Бычкова. – М. : Моск. рабочий, 1990. – 269 с.

Theological Self-definition: A Man of God. The Beginning of the Path

T. V. Peshkova, T. V. Bykova

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The research focuses on the phenomenon of Russian sanctity in philosophical concepts of metaphysics from the viewpoint of contemporary theory of experience.

Keywords: hagiology, ascetical-mystical practice, hermeneutics, hesychasm, sanctity, synergy, the Type of Constants, theology.

Пешкова Татьяна Викторовна

*соискатель, религиовед,
кафедра философии и методологии науки,
факультет религиоведения
и теологии*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410
тел.: 8(3952)334372
e-mail: 518214@mail.ru*

Peshkova Tatyana Viktorovna

*Postgraduate, Theologian, Department
of Philosophy and Methodology of Science,
Faculty of Religion Studies
and Theology*

*Irkutsk State University
1–410, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: 518214@mail.ru*

Быкова Татьяна Владимировна

*кандидат философских наук,
доцент, кафедра философии
и методологии науки, факультет
религиоведения и теологии*

*Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1–410
тел.: 8(3952)334372
e-mail: tanvla@mail.ru*

Bykova Tatyana Vladimirovna

*Candidate of Sciences (Philosophy), Associ-
ate Professor, Department of Philosophy
and Methodology of Science, Faculty
of Religion Studies and Theology*

*Irkutsk State University
1–410, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)334372
e-mail: tanvla@mail.ru*